

А. Б. Шишкин

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ЗЕРКАЛАХ XX ВЕКА

В ярком созвездии Серебряного века мало кто вызывал столь разнообразные, порой противоположные или взаимоисключающие мнения, как Вячеслав Иванович Иванов. Его идеи могли вызывать замешательство, протест, тотальное отрицание, а то и обвинение в мистификации, самозванстве, черно-книжии, в интеллектуальной провокации и даже в духовном тиранстве. Иннокентий Анненский прозвал его «мифотворцем на Башне» — это звучало возвышенно, но одновременно и иронично. Показательно, что в самом начале знакомства с В. Хлебниковым, 3 июня 1909 г., Вяч. Иванов счел нужным объяснить с молодым посетителем Башни в обращенном к нему стихотворении:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель — испытатель,
Осенок, циркуль, лот, отвес.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

И, совопросник, соглядатай,
Ловец, промысливший улов
.....
<...>

Замечательно, что Иванов считал необходимым как бы снять с себя подозрение: «я не бес, / Не искуситель»¹. Но стоит обратить внимание на положительные автохарактеристики: «испытатель», «совопросник»², равно как и на образы невода и рыбака, «ловца» в следующих строфах. Любопытно однако, что через много лет в связи Вяч. Ивановым последний образ — в сугубо негативном контексте — ярко всплывет у А. Ахматовой: «шармёр и позер, но еще более хищный, расчетливый Ловец человеков»³ (Ахматова как будто не замечала евангельского источника Мф. 4:19 и Мк. 1:17, где «рыбарями» и ловцами человеков именовались апостолы Христовы).

Представление о неоднозначности, или, точнее, многозначности разноликого поэта-Протейсохранилось у Ахматовой и через 30 лет после знакомства на петербургской Башне, когда, уже в совсем другую эпоху и в другой стране, она стала делиться своими воспоминаниями с Е. Чуковской. Когда 8 февраля 1940 г. зашла речь о Башне, Ахматова заметила: «Это был единственный настоящий салон, который мне довелось видеть. <...> Влияние Вячеслава было огромно, хотя его стихи издатели вовсе не стремились приобретать. <...> Придешь к нему, он уведет в кабинет: «Читайте!» Ну, что я тогда могла читать? Двадцать один год, косы до пят и выдуманная несчастная любовь. <...> Вячеслав восхищен: со времен Катутла и пр. Потом выведет в гостиную — «читайте!» Прочтешь тоже самое. А Вячеслав обругает. Я быстро перестала бывать там»⁴ (это не очень далеко от ситуации, проецированной в обращенном к Хлебникову стихотворении!). 19 августа того же 1940 года, как бы забыв прежние обиды, Ахматова в разговоре с Чуковской вернулась к насельнику Башни: «Читаю «По звездам» Вячеслава. Какие это статьи! Это такое озарение, такое прозрение. Очень нужная книга. Он все понимал и все предчувствовал. Но удивительно: при такой глубине понимания сам он писал плохие стихи. Он, конечно, и поэт замечательный, но стихи

¹ Подобным же образом Вяч. Иванов писал М. О. Гершензону: «Я же вовсе не Мефистофель и потому никуда вас не хочу зазывать и переманивать» // Иванов В. — Гершензон М. Переписка из двух углов.

² «Совопросницей» называл также Иванов близкого друга последних 20 лет своей жизни, оригинального мыслителя Ольгу Шор.

³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Torino, 1996. С. 153.

⁴ *Чуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997. С. 77–78.

часто писал плохие. Не думайте, тут противоречия нет»⁵. 5 сентября 1940 г., сообщая о «тяжелом впечатлении» от последнего сборника М. Кузмина, Ахматова добавляла: «Раньше так нельзя было: Вячеслав Иванов покривится, а в двадцатые годы уже не на кого было оглядываться».⁶

В те же годы сам М. Кузмин (столь неприятный в 1930-е годы для Ахматовой) в своем Дневнике 1934 г. подводил итог прошедшему; возвращаясь в нем несколько раз к пережитому на ивановской Башне, он меньше всего старался ограничиться одноцветным и плоским силуэтом «олимпийца». Подбирая обычно несоединимые литературные понятия и персонажи (Вольтер⁷ – Иоанн Златоуст – Панталоне; петраркизм — кислогадкий (!! — А. Ш.) ваточный (!!! — А. Ш.) славянский эллинизм) Кузмин пытался сложить словесный портрет Протея, чей образ не укладывался ни в какие привычные и традиционные рамки:

«Одним из высших фокусов моей жизни была Башня, и я думаю, что имя Вячеслава Иванова с окружением ляжет на четверть, если не на добрую треть моего существования. Он был поповичи классик, Вольтер и Иоанн Златоуст — оригинальнейший поэт в стиле Мюнхенской школы (Ст<ефан> Георге, Клиггер, Ницше), немецкий порыв вагнеровского пошиба с немецким безвкусием, тяжеловатостью и глубиной, с эрудицией, блеском петраркизма и чуть-чуть славянской кислогадостью и ваточностью всего этого эллинизма. <...> Было и от итальянского Панталоне, и от светлой личности, но, конечно, замечательное явление. <...> В известной широте взглядов Иванова была некоторая промежуточность, но, действительно, не было ни одного выдающегося явления в области искусства, науки и, м<ожет> б<ыть>, даже политики, которое избежало бы пробирной палатки Башни. Но сколько было и шлаку»⁸.

Замечательно, что в первом мемуарном очерке о Иванове — он принадлежал Андрею Белому и был опубликован уже в 1910 г. — фигура петербургского мэтра предстает в самых разных обликах:

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Об увлечении Иванова Вольтером см. свидетельство Е. Ананьина в нашем издании.

⁸ *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. С. 66, 70.

это и «старый чудака профессор из захолустного немецкого города», и «судебный следователь», и «соединение проповедника с исповедником», и «юноша».⁹ Во включенном в венгеровскую «Историюрусской литературы» очерке Белого о поэте — некоторые его страницы поражают глубиной и точностью проникновения в мир поэта, другие — произвольностью и насильственностью приложенной к нему штейнерианской доктрины — перед нами уже «Три (курсив А. Белого. — А. Ш.) Иванова шествуют от развалин душевного храма... во мрак лабиринтов».

Даже о. П. Флоренский, столь близкий в самых важные аспекты к Вяч. Иванову, прочтя одно из его теоретических эссе задавался вопросом: «Кто такой Вяч. Иванов?» Писатель? — Нет, писатель — Мережковский, Брюсов и проч., а для В. И. писательство — лишь один из способов выражения себя. Поэт? — И поэт. Вот, Пушкин — поэт, а В. И. — иное. Ученый? — И ученый. Но в основе он что-то совсем иное. Если бы он был в древности — он был бы вроде Пифагора. Если бы он был шарлатаном — он сделался бы Штейнером. Если бы он был святым — он был бы старцем. Я не знаю, кто он. Но я определенно ощущаю, что ему надо бы жить, например, в замке, среди учеников и избранных друзей, и что публичные лекции и т. п. идут к нему столь же мало, как купальный чепец к Афродите»¹⁰.

Пожалуй, самый жесткий отзыв о «многоликости» Иванова, исходящий из близкого ему круга, принадлежал Н. Бердяеву, в первые годы Башни почти бессменному председателю башенных «сред». В конце 1930-х годов в своей философской автобиографии мыслитель писал: «Он (Иванов) всегда поэтизировал окружающую жизнь, и этические категории с трудом к нему применимы. Он был всем: консерватором и анархистом, националистом и коммунистом, он стал фашистом в Италии,

⁹ Андрей Белый. Вячеслав Иванов. Силуэт.

¹⁰ Письмо П. А. Флоренского к В. И. Иванову от 1 апреля 1914 г. // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 100. Ср. также в статье С. Булгакова «Сны Геи»: «В лице Вячеслава Иванова, нашего современника, общника наших дел и дум, мы имеем как будто живого вестника из античного мира, которому ведомы тайны Древней Эллады, интимно близки его боги, который был эпоптом в Элевзине, блуждал по холмам Фракии с вакхами и менадами, был завсегдаем в Дельфах, воочию присутствовал при рождении трагедии».

был православным и католиком, оккультистом и защитником религиозной ортодоксии, мистиком и позитивным ученым». Несмотря на обличающую ноту и полемические издержки (разумеется, ни коммунистом в России, ни фашистом в Италии Иванов не был), перед нами скорее раздражительная реплика, которая несет след былых острых споров и интеллектуальных поисков, чем инвектива удовлетворенного своей универсальной истиной.

Читатель нашего тома заметит, что самая острая критика поэта нередко выделяла оригинальное и конструктивное. Парадоксальным и неслучайным образом, и ехидно преувеличенное комплиментарное прозвание «VenceslavoMagnifico» — «Вячеслав Великолепный» (по модели «Лоренцо Великолепный», имя создателя ренессансной Флорентийской академии), которое Шестов полемически заострил против поэта, было переосмыслено в позднейшей критике в прямом, однолинейно позитивном смысле.

* * *

На чем сходились порицатели и почитатели Вяч. Иванова — это что он был поэтом и писателем сложным и трудным, «для немногих». Но выводы из этого нередко делались прямо противоположные. Еще в середине 1890-е гг. Вл. Соловьев, познакомившись с первой книгой поэта «Кормчие звезды» и тотчас поняв смысл ее названия — от церковнославянского «Кормчая книга», — предупредил Иванова: «стихи <...> отчасти не будут поняты». Продолжим цитату, она была приведена в письме поэта к его будущей жене и близко воспроизводила подлинные соловьевские мысли: «но об их непонятности для моих будущих читателей он (Соловьев. — А. Ш.) говорит как человек, сам их понимающий, и не делает мне из них этого никакого упрека. Так же мало мешают ему мои так называемые “славянизмы”, за которые я привык выслушивать брань своих зоилов»¹¹.

Действительно, как увидит читатель нашего издания, ивановские славянизмы давали повод иным критикам Иванова для самых иронических и язвительных высказываний¹². «Вставший

¹¹ Письмо к В. Иванову к Л. Зиновьевой-Аннибал от 21 октября/2 ноября 1895 г. //Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. В 2 тт. Т. 2. / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Богомолова, М. Вахтеля, Д. Солодкой. М., 2009. С. 327–328.

¹² С В. Третьяковским сопоставляли Вяч. Иванова Н. Ашешов (1903 и 1904), А. Богданович (1904), И. Джонсон (1905), С. Венгеров (1909) Цит. по кн.

из гроба Тредьяковский, пишущий стихи шваброй» — зафиксировано хроникёром литературной жизни серебряного века¹³. Или в остроумной, но все же непохожей на стихи Иванова пародии в петербургской газете:

Одре сем на позволь, прелестница, и впредь
 Мне уст зной осязать и пышну персей внятность.
 Пиит истомных «сред», воздам я мзду и Тредь —
 Яковского стихом твою вспою приятность¹⁴.

Но современный читатель имеет завидное преимущество по сравнению с читателем столетней давности. Сейчас имя «первого русского филолога» XVIII века ассоциируется с реформой стиха, первыми попытками возрождения античности в литературной культуре, и, самое существенное, расширением корпуса литературного языка.

Вяч. Иванов отодвигал хронологическую границу языка назад, к эпохе В. Тредиаковского, М. Ломоносова и Г. Державина, и вперед, к словесным экспериментам А. Ремизова, В. Хлебникова и О. Мандельштама.

Да, быть может и сегодня — одна из главных сложностей, главных препятствий для понимания Иванова — его язык. «Это славянофильство почти во этимологическом значении термина: любовь ко всему, что в русском языке является славянским, к исконно славянскому корнесловию и церковно-славянскому словесному убранству. <...> До предела, до отказа насыщенная славянизмами лексика поэзии, да и прозы Вячеслава Иванова не литературный фокус, но адекватное выражение мировоззренческого принципа».¹⁵ Николай Гумилев в эссе 1911 г. даже утверждал: «его (Иванова — А. Ш.) всегда напряженное мышление, отчетливое знание того, что он хочет сказать, делают подбор его слов таким изумительно-разнообразным, что мы вправе говорить

Pamela Davidson. Viacheslav Ivanov. A reference guide. New York. 1996.

¹³ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов. М., 2008. С. 470. Запись от 8 сентября 1907 г. Автор высказывания — П. Ф. Якубович (1860-1911), революционер и поэт-народник.

¹⁴ <Аноним> Шаржи и пародии. Вячеслав Иванов // Биржевые ведомости. 1907 № 10055.

¹⁵ Аверинцев С. Разноречие и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. М., 1995. С. 16.

о языке Вячеслава Иванова как об отличном от языка других поэтов».

Другая особенность ивановского стиха, да и прозы, сразу отмеченная критиками — интеллектуальность, осложненность мыслью, обращенность к темам философии, историософии, вообще к Большому Времени. Замечательно в этой связи, как А. Курсинский (вообще, не столь далекий от круга В. Брюсова) объявив в своей рецензии на «Кормчие звезды» Вяч. Иванова смертельно холодным поэтом, договорился до утверждения, что «лирика мыслей» является «чуждым славянскому духу искусством»!¹⁶ Четырьмя годами позже по поводу ивановского стихотворения о двойном ходе времени — из прошлого в будущее и из будущего в прошлое — Д. Философов, также, отнюдь не враждебный символистскому кругу, эмоционально выговаривал А. Ремизову: «Вячеслава больше читать не могу, физически (курсив Д. Философа) не могу. Начал было “Сон Мелампа” (Золотое Руно № 10), да плюнул. Черт с ним. Еще такое примечание сделал, что сам черт ногу сломит»¹⁷. «Мы не читали Эсхила, — что же делать!», — иронически воскликнул И. Анненский в статье об Иванове 1909 г.¹⁸

Самый проницательным из современников оказался Александр Блок. Именно ему, еще начинающему критику и малоизвестному за пределами своего круга поэту, принадлежал первый авторитетный и значительный отзыв о Вяч. Иванове. Блок понял и оценил как его историко-религиозные эссе, так и поэтические книги и теоретические работы в их единстве. Именно Блок увидел в лице Иванова особенный тип символиста, который познавал мир и духовную жизнь человека одновременно через поэтическое и на-

¹⁶ Курсинский А. А. Кормчие звезды: книга лирики // Курьер. № 88. 27 мая 1903.

¹⁷ Письмо Д. Философова к А. Ремизову от 21 декабря 1907 / 3 января 1908 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 2002 г. СПб., 2006. С. 384.

¹⁸ В. Эрн, напротив, отмечал: «Вяч. Иванов не только переводит Эсхила; он смотрит на мир глазами эллина еще более древнего, чем Эсхил, и в конце концов вся современная наука и культура, которые, по утверждению Шестова, «находятся в распоряжении Вяч. Иванова», суть не что иное как способы выражения его по существу античных воззрений и свидетельство находчивости этой древнейшей, почти микенской души, и ее Одиссеева искусства говорить с феаками по-феакийски и с людьми современной культуры — утонченно культурно».

учное творчество. В развернутой статье «Творчество Вячеслава Иванова», увидевшем свет в «Вопросах жизни» 1905 г., Блок изложил ивановскую концепцию символа, коснулся поставленной им проблемы дионисизма и «всемирного искусства».

Годом раньше Блоком были сказаны поразительны по точности и краткости слова: «Книга Вячеслава Иванова предназначена для тех, кто не только много пережил, но и много передумал. Это — необходимая оговорка, потому что трудно найти во всей современной русской литературе книгу менее понятную для людей чуть-чуть «диких», удаленных от культурной изысканности

Но есть порода людей, которой суждено все извилины своей жизни обогреть кровью мыслей, которая привыкла считаться со всем многоэтажным зданием человеческой истории».¹⁹

* * *

В первом томе нашей антологии читатель найдет более восьми десятков расположенных в хронологическом порядке отзывов о художественном, научном и философском наследии Вяч. Иванова. Это наследие объемлет как российский, так и эмигрантский период творческой биографии поэта. Они представляют собой не умиротворенное и самодовольное поддакивание, а напряженную полифоническую картину, со своими темами, перекличками, внутренними конфликтами и репризами на фоне драматических событий русской истории, литературной и философской культуры. Осмыслить, как с ней соотносено творчество Вяч. Иванова — дело не будущего, а сегодняшнего дня. Вяч. Иванов — эпоним культуры Серебряного века.

* * *

Настоящее издание не могло бы состояться без великодушной помощи и разнообразного участия друзей и коллег — М. Вахтеля (США), А. Волкова (С. Петербург), Дж. Джулиано (Италия), Л. Ермаковой (Орхус-С. Петербург), О. Коростелева (Москва), К. Лаппо-Данилевского (С. Петербург), М. Лепехина (С. Пе-

¹⁹ Поразительным образом эти слова Блока коррелирует с финальными строками отзыва 1936 г. о поэте Вл. Ходасевича, самого значительного критика русской эмиграции: «Вячеслав Иванов архаичен не потому, что устарели его мысли, а потому, что самая наличность мыслей в поэзии, к несчастью, сделалась архаизмом. Сладкозвучнейшие из наших поэтов не глубокомысленны».

тербург), В. Литвинова (Снежинск), Д. Мицкевича (США), М. Плюхановой (Италия). Особая благодарность Е. Дервяго (С. Петербург), взявшей на себя нелегкую работу по техническому обустройству издания.

А. Шишкин

